

RU

Метафорика границы: репрезентация Берлинской стены в художественном дискурсе (на материале немецкого и русского языков)

Василевская А. А., Фадеева М. Ю.

Аннотация. Цель исследования – установить лингвокультурную специфику репрезентации границы как элемента коллективной памяти в художественном «дискурсе стены» на примере русского и немецкого языков. Мемориальные нарративы о Берлинской стене, касающиеся ее территориально-архитектурной формы, общественного восприятия и неоднозначной оценки ее роли в истории, формируют сравнительно новое художественное направление – «литературы границы». Научная новизна исследования заключается в междисциплинарном подходе к изучению вербализации коммеморативных практик как с позиции memory studies, так и лингвокультурологии, что позволяет определить контекстуальную актуализацию метафоры «стена – граница» в неблизкородственных языках. В результате исследования описана метафорическая модель «граница – стена», образованная такими семантическими репрезентантами, как театр, тайна, иллюзия безопасности, служба, маршрут следования, регресс, игрушка, противоестественное образование, имеющими преимущественно негативную коннотацию в русской и немецкой лингвокультурах. Представленные образы не соотносятся с базовыми функциями границы (разделительной, фильтрующей, регулирующей), а демонстрируют восприятие стены как искусственного конструкта, проявления деградации общества.

EN

Border metaphors: Representation of the Berlin Wall in literary discourse (based on the German and Russian languages)

A. A. Vasilevskaya, M. Y. Fadeeva

Abstract. The research aims to determine the linguocultural specifics of representing the border as an element of collective memory in the literary “discourse of the wall”, using the Russian and German languages as case studies. Memorial narratives about the Berlin Wall, concerning its territorial-architectural form, public perception, and ambiguous assessment of its role in history, form a relatively new artistic direction, the “literature of the border”. The research novelty lies in the interdisciplinary approach to examining the verbalization of commemorative practices from the perspective of both memory studies and linguoculturology, allowing for the determination of the contextual actualization of the metaphor “wall – border” in non-cognate languages. The study describes a metaphorical model “border – wall”, formed by semantic representatives such as theater, mystery, illusion of security, service, route, regression, toy, unnatural formation, predominantly carrying negative connotations in Russian and German linguocultures. The presented images do not correlate with the basic functions of a border (separating, filtering, regulating), but demonstrate the perception of the wall as an artificial construct, a manifestation of societal degradation.

Введение

По утверждению Алейды Ассманн (Assmann, 2013), культура памяти (нем. Erinnerungskultur) в настоящее время переживает переломный момент. Широко дискутируемый переход от поколения свидетелей к поколению адресатов посланий истории характеризует культуру памяти как многомерный феномен. Исследования коммеморации отличаются своей динамичностью и обусловленностью социокультурными трансформациями.

Все практики социального взаимодействия, особенно в сфере межкультурного общения, строятся на проведении границ, так как граница выступает смыслообразующим принципом, формирующим идентичность

культуры. Основной идеей, позволяющей наиболее отчетливо осмыслить роль феномена границы в развитии культуры и формировании социокультурного пространства, является тезис М. М. Бахтина о том, что культура «вся расположена на границах» и «каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ он теряет почву, становится пустым, заносчивым, выродждается и умирает» (1979, с. 282). Двойственность и амбивалентность представляется логичным рассматривать как свойство границы, как основное условие, которое позволяет визуализировать отношения между «своим» и «чужим» (Фадеева, 2024).

Границы, выступая константами человеческого мышления и поведения, безусловно, имеют вариативное семантическое наполнение и коммуникативно обусловленную языковую экспликацию. Как реляционные величины, они подлежат определению прежде всего в отношении того, что они различают, представляя собой фигурацию третьего – трансцендентной реальности. Границы следует понимать, как сложные конструкции, которые подвержены последовательной изменчивости: чем является граница и какая роль ей отводится, зависит от исторических и социальных условий ее бытования. Так, весьма вариативно оценивается значение Германского лимеса или Берлинской стены, что обусловлено культурно-историческим контекстом и отражает национальную специфику транслируемой точки зрения.

В коммуникативно-прагматическом аспекте граница вербализуется в языковом сознании носителей русского и немецкого языков рядом лексических единиц, которые могут употребляться как в пространственном, так и в непространственном значении: «черта» / “Strichlinie”; «стена» / “Mauer”; «пропасть» / “Kluft”; «рубеж» / “Landmark”; «точка» / “Punkt” (дойти до точки); «линия» / “Linie”; «край» / “Kante”; «берег» / “Ufer” (Милованова, 2020).

Фокус внимания *memory studies* смещен в настоящий момент на расширение поля рефлексии о памяти в рамках национальных границ, т. е. граница в исследованиях памяти выступает важным рубежом, преодолевая который можно по-разному оценить мемориализацию одних и тех же событий. Р. Фабером и Б. Науманн (*Literatur der Grenze...*, 1995) введено понятие литературы границы (нем. *Literatur der Grenze*), обозначающее художественную рефлексию авторов в поисках идентичности, самоопределения и в попытке преодоления межнациональных конфликтов и разногласий, вызванных пространственными представлениями ограниченности.

Материалом исследования послужили два сборника рассказов на русском и немецком языках, связанных центральной темой: осмыслением границы как стены – физической, культурной, социальной:

- *Begegnung und Erinnerung / im Auftrag des Schriftstellerverbandes der DDR und der Grenztruppen der DDR herausgegeben von Harry Thürk*. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1981;
- 1989. Десять историй, которые прошли сквозь стены / сост. М. Рейнольдс, Х. Вагенбрет. М.: КомпасГид, 2009.

Первый сборник сюжетов малой прозы немецких авторов включает в себя одиннадцать историй о жизни людей на границе, их мыслях и переживаниях в период холодной войны. Во втором сборнике «Десять историй, которые прошли сквозь стены», вышедшем по случаю 20-летней годовщины падения Берлинской стены, представлены рассказы именитых российских и европейских авторов в первоисточнике и в переводе на русский язык. Всего проанализировано 30 контекстов на русском и немецком языках, общим объемом 350 000 п. зн.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления закономерностей обхождения с исторической памятью представителями различных лингвокультур. Феномен границы может получить эвристичное освещение в анализе языковой рефлексии событий, ознаменовавших падение Берлинской стены, в аспекте метафорической вербализации стены как границы в языковой паре «русский – немецкий». Дискурс стены описывает события, связанные с возведением и падением Берлинской стены, характеризуясь высокой степенью неоднородности суждений как людей по обе стороны стены, так и внешних наблюдателей в исторической перспективе (Трошина, 2015).

Метафорические средства выражения рефлексии прошлого представляют большой интерес, поскольку косвенные транспонированные средства отражают человеческую психологию в большей степени, нежели прямое употребление языковых единиц. Когнитивным основанием метафоры могут служить универсальные знания об объективной реальности, знания, присущие определенному этносу, и субъективные знания личности. Согласно положениям современной когнитивной лингвистики, языковое моделирование выступает способом осмысления одних объектов на основе знаний о других объектах по принципу аналогии на интуитивной основе. Метафорическая модель представляет собой складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами по формуле «X – это Y», являясь результатом естественной творческой категоризации действительности (Бондарева, 2019).

Задачи исследования заключаются в определении значения феномена границы в процессе осмысления разных исторических событий в русле культуры памяти, в выявлении и описании семантических репрезентантов метафорической модели «стена – граница» на материале русского и немецкого языков, а также в сопоставительном анализе языковых средств вербализации Берлинской стены как уникального символа эпохи ГДР и ФРГ в художественном дискурсе изучаемых лингвокультур.

Теоретическую базу исследования составили работы, посвященные изучению практик коммеморации и обхождения с прошлым (Шалютина, Игаева, 2023; Буллер, Линченко, 2021; Самоловов, Стукалина, 2022; Schulz-Nageleit, 2004; Fischer, Logenz, 2015), языковой репрезентации концептов, транслирующих историческую память (Туманова, 2024; Вороненкова, Гапонова, 2020; Reiher, 2008; Felder, 2018; Verdiani, 2021), а также труды российских и зарубежных авторов, отражающие базовые положения лингвокультурологического подхода к изучению метафоры (Телия, 1988; Маслова, 2007; Чудинов, 2001; Гридина, Коновалова, 2020; Metapher, Kognition..., 1996; From a Metaphorical Point of View..., 2005).

По мнению Н. Г. Брагиной (2007), психофизические свойства памяти передаются в языке с помощью метафор, которые «расщепляют» Я человека на двух участников диалога: говорящего из прошлого и слушающего из настоящего. Коммуникация посредством образов является универсальной формой коммуникации памяти (Брагина, 2007).

Изучению бинарных оппозиций культуры, находящих воплощение в метафорах границы, посвящена работа Е. А. Сакирко (2009). В литературе австрийских авторов сформирована метафора стены, разделяющей мир естественного и искусственного, т. е. стена выступает символом разделенности и чужеродности природы и культуры (Сакирко, 2009).

Берлинская стена как один из первостепенных символов эпохи существования ГДР и ФРГ представляет собой эоним современного немецкого языка, отражающий культурно-историческое прошлое граждан современной Германии. В повседневной жизни восточные немцы использовали лексику “die Mauer”, а статус пограничного перехода отражала лексема “die Grenze”, т. е. на территории ГДР отмечалась вариативность лексического употребления (Туманова, 2024). Высокая частотность использования словосочетания «Берлинская стена» / “Berliner Mauer” как в русском, так и в немецком языках свидетельствует о прецедентности данного онима и его универсальности в различных национально-культурных пространствах. Прецедентное имя характеризуется эмотивностью и образностью, а также наличием инварианта восприятия (Степанов, 2016).

Проведенный аналитический обзор научной литературы свидетельствует в пользу исследования метафорических образов стены как границы физического, морально-нравственного и социального в коллективном сознании представителей различных лингвокультур.

Методология настоящего исследования предполагает использование общенаучных принципов системности и антропоцентризма. Для выявления и интерпретации метафорических образов Берлинской стены в художественном дискурсе применялись контекстуальный и концептуальный анализ. Семантические типы метафор определялись путем анализа языкового материала, полученного методом сплошной выборки по ключевым словам «стена», «граница». Для решения исследовательских задач также использовались сравнение и классификация, дефиниционный и семантический анализ.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в качестве практического материала на спецкурсах и семинарах по когнитивной лингвистике в системе «память – язык – информация», а также в русле memory studies с позиции лингвокультурологического подхода.

Обсуждение и результаты

Стена есть ограничение пространства, граница. Стена отличается своей долгой историей, своей распространенностью, своей ригористичностью, своей неуничтожимостью, которая столь хорошо представляет кумулятивный эффект истории (Домбровский, 2011).

Лексема «граница» / “Grenze” происходит от польского “granica” и чешского “hranice”, о чем свидетельствуют документальные подтверждения XIII века. Однако широкое распространение она получила только в XVI веке благодаря переводу Библии Мартином Лютером. Сопоставление отрывков переводов показывает, что М. Лютер использовал в основном слово “Grenze” / «граница» вместо “Landmarke” / «веха», то есть имел в виду территориальное деление по критерию собственности. Именно связь между собственностью и локальными границами считается изначальным контекстом использования термина, который перешел в политический аспект только с появлением национальных государств (Kleinschmidt, 2014).

Стена как искусственное сооружение, находящееся на территориальной границе государств, возводится, как правило, в оборонительных целях. Историческими подтверждениями тому служат стены Иерихона, Китайский каменный змей, форт Кумбалгарх в Индии, американо-мексиканский барьер, насыпные барханы на границах марокканской пустыни, демаркационная линия между Северной и Южной Кореей в виде бетонной стены до 8 метров высотой и многие другие. Однако барьеры могут обнаруживать брешь и прочие изъяны вследствие разных причин. Обратимся к рассмотрению примеров контекстуальной актуализации понятия «стена».

«Весь мир – театр, а люди в нем актеры», – утверждал У. Шекспир. В рассказе “Der Grenzer” использована метафора «стена – театр», сходство двух понятий реализуется за счет сравнений и употребления тематически ориентированной театральной лексики: *Die Bürger waren Zuschauer im Berliner Grenztheater* (Beuchler K. *Der Grenzer* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 77). / «Горожане были зрителями в Берлинском театре границы» (здесь и далее перевод наш. – А. В., М. Ф.); *Skandalöses im Leben ging über die Bühne* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 77). / «Скандалные события жизни шли своим чередом»; *Große Berlin-Oper* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 77). / «Большая Берлинская опера»; *Zu den Aufführungen schob die Springer-Presse die Kulissen* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 77). / «За представлениями следили репортеры Springer». Иллюзорный мир театра по началу привлекает внимание и вызывает интерес (*Die Grenze ist keine Sache von Kartographen, sondern eine Sache der Menschen. Die Sache faszinierte mich* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 78). / «Граница не столько интересна картографам, сколько важна людям»), но затем являет свое истинное предназначение – разделительной линии: *Die Grenze ist Trennungslinie zwischen zwei Welten, durch die Köpfe und Herzen von Menschen in aller Welt* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 78). / «Граница – это разделительная линия между двумя мирами, которая проходит через сердца и разумы людей по всему миру».

Многие пограничники неоднозначно относились к возведению Берлинской стены, которую они должны были охранять. Из описаний одного дня на посту складывается метафорический образ «стена – служба», который вербализуется при помощи лексики военно-профессионального дискурса: *Mauererbrigadier* / «командующий бригадой охраны стены»; *Posten stehen am Brandenburger Tor* / «стоять в карауле у Бранденбургских ворот»; *Kampfauftrag* / «боевое задание»; *Befehle* / «приказы»; *das Kasernenleben* / «жизнь в казарме»; *keine Vorkommnisse* / «все спокойно». Время на военной службе воспринимается бесконечным и замедлившимся, об этом свидетельствуют многократные упоминания временных рубежей на посту: *Er blickt auf die Uhr und wieder aus dem Fenster, wo alles ruhig ist an diesem Aprilabend; Er schaut zur Uhr. Dann Hals- und Beinbruch für die letzten drei Stunden; Wieder ein Blick auf die Uhr; Die vorletzte Stunde des letzten Grenzdienstes ist abgebrochen; Wieder ist eine Stunde vergangen* (Räppel К.-Н. *Posten stehen am Brandenburger Tor*) (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 153-154). / «Он смотрит на часы и снова в окно, где все безмятежно в этот апрельский вечер; Он бросает взгляд на часы. Ни пуха ни пера в последние 3 часа службы; Снова взгляд на часы; Предпоследний час последнего дня службы на границе подошел к концу; Снова прошел еще один час».

Ожидание окончания службы подчеркивается повтором наречия “wieder” с временным значением, а также противопоставлением рутинности пульсирующей жизни столицы, представляющейся молодому солдату все еще чужой: *...mit dem Blick auf das pulsierende Leben der Hauptstadt, die Großstadt ist ihm immer noch fremd* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 158). / «...ввиду пульсирующей жизни столицы большой город ему все еще чужд».

Еще одним вариантом репрезентации границы, поделившей пространство на знакомое и неизведанное, выступает метафора «стена – тайна».

История «Белая Стена» рассказывается в жанре библейской притчи, содержащей поучения в иноказательной форме, отличающейся лаконизмом изложения и символическими героями повествования: «Была Стена. И было Дерево. Стена стояла на своем месте уже сотни лет...» (Петрушевская Л. С. *Белая стена*) (1989. Десять историй..., 2009, с. 34). Два вида хронотопа прошедшего и настоящего демонстрируют взаимосвязь исторических событий и происходящего в реальном времени, цикличность истории. Стена актуализируется эпитетами с прямым и переносным значением: непритязательная, невысокая, честная, белая, безупречно белая, верная своему святому долгу, самая загадочная. Белый цвет символизирует чистоту, истину и непорочность. Стена представляется древней крепостью, оплотом мира, хранящим множество тайн: «Это сейчас я ровная и белая, а бывала и с дырой в боку» (1989. Десять историй..., 2009, с. 37).

В следующем примере представлена метафора «стена – противоестественное образование», вербализующая культурологическую бинарную оппозицию «естественное – искусственное». Беспечность установления границы выражается глаголами с семантикой деструкции (разрушать ландшафт, рассекать надвое ручьи, высекать в ельниках туннели) и эпитетами с негативной коннотацией (бессмысленная работа пограничника, абсурдная необходимость). Нежелание героя произведения выполнять работу служащего пограничных войск иллюстрируется использованием лексических средств с отрицательной частицей «не» / «ни» и отрицательных местоимений: «Работа ему не нравилась. Она ничего не улучшала, не давала никакой прибыли, не приносила ни радости, ни материальных ценностей, а заключалась в хождении по горам (иногда в поездках на мотоцикле) и в высматривании всего, что могло бы показаться подозрительным. Так выглядело патрулирование границы. Человек был пограничником» (Токарчук О. *Человек, который не любил свою работу*) (1989. Десять историй..., 2009, с. 20). Антропогенный характер пунктирной линии на карте проявляется в том, что «звери ни во что не ставили эту его так строго охраняемую границу». Животные следуют естественному порядку вещей, что убеждает пограничника в бессмысленности его деятельности: «Косули и лисицы полностью игнорировали белые столбики и государственные гербы. В соседнюю деревню, расположенную на противоположной стороне, регулярно бегал польский кот, и пограничник был уверен, что он ходит навещать местных кошек. Над линией границы кружили ястребы. Муравьи строили по обе ее стороны муравейники и прокладывали свои тропинки, по которым носили через границу мертвых гусениц, обрывки листьев, сосновые иголки – безо всяких пошлин!» (1989. Десять историй..., 2009, с. 22). Стена здесь выступает вымышленным конструктом, разделяющим нации и наносящим физический урон территориям.

Еще одной вариацией репрезентации стены как неоправдавшейся надежды выступает метафорический образ «стена – маршрут следования». Немецкий солдат, несущий службу на КПП между Восточным и Западным Берлином, с детства мечтал стать машинистом поезда, серьезность его намерений синтаксически подчеркивается инверсией (*Zugführer wollte er werden. Die rote Schärpe hatte es ihm angetan* (Flegel W. *Er wollte nicht Offizier werden*) (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 110). / «Машинистом хотел он стать. Его привлекала красная нарукавная повязка»). Преимущества профессии и ее динамичность выражаются глаголами со значением познания чего-то нового (*...weil die Schärpe bedeutet, reisen zu können, Landschaften zu entdecken, ihre Veränderungen zu erleben und mit vielen unterschiedlichen Menschen zusammenzutreffen* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 110). / «...т. к. повязка означала возможность путешествовать, открывать для себя новые ландшафты, следить за их изменениями и встречаться со множеством различных людей»). Целеустремленность юноши и желание следовать за мечтой описаны посредством сравнения «идущий человек – река»: *Reisen wollte er, in der Welt herumkommen, denn wer an Flüssen geboren ist, hat der Wandertrieb im Blut. Man hat etwas von ihrem Fluß, seiner ständigen Bewegung, seinem Gleichmaß und seiner Kraft* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 108). / «Он хотел путешествовать, объехать мир, ведь у человека, рожденного у реки, тяга к путешествиям в крови».

Для вербализации представления о движении реки от ее истока используются «маршрутные» глагольные обозначения движения путника от отправной точки: *ausgehen* / «выходить»; *wandern* / «перемещаться»; *weiter*

marschieren / «маршировать дальше»; *ankommen* / «прибыть». При этом в действительности солдату приходилось преодолевать ежедневно один и тот же маршрут, что выражается фразеологическими единицами со значением монотонности: *Bei Wind und Wetter, tagaus, tagein, marschierte er eine unbedeutende Strecke ab, die etwa 25 bis 30 Kilometer lang war* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 111). / «И в дождь, и в солнце, день за днем проходил он быстрым шагом непримечательный маршрут, в 25-30 км длиной». Метафора «стена – маршрут следования» вербализуется в саркастической форме в описании конечной точки прибытия – солдат сделал карьеру офицера, за время службы его девять раз переводили с одного КПП на другой (*Wandern musste Oberstleutnant auch als Offizier viel und oft. Neunmal wurde er versetzt* (Begegnung und Erinnerung, 1981, S. 112). / «Путешествовал старший лейтенант, а позднее и офицер много и часто. Девять раз его переводили на другое место»). Своевольность и беспечность реки, описываемой в начале рассказа, противопоставляется приказному характеру военной службы, независимо от личностных воззрений солдат.

В следующем контексте метафора сменяется моделью «стена – иллюзия безопасности», представленной в истории о богатом человеке, боявшемся всего рода человеческого.

Нестабильное психоэмоциональное состояние человека отражается при помощи эпитетов (безудержный страх, кромешная тьма, странные звуки), а также лексических повторов или словосочетания схожей семантики: «...человек стал **бояться** других людей. Сначала он начал испытывать **безудержный ужас** перед незнакомыми людьми и заперся в своем доме. Затем все тот же **безудержный ужас** оттолкнул его от тех немногих друзей, которые у него были. Тогда он понял, что весь род человеческий повергает его в **состояние ужаса**» (Камиллери А. Человек, который боялся всего рода человеческого) (1989. Десять историй..., 2009, с. 42). Увеличение высоты стены находится в прямой зависимости от роста страха человека, в качестве средства языковой выразительности используется гипербола, что позволяет интенсифицировать степень создаваемого напряжения: «...он распорядился, чтобы высоту стены, окружавшей дом и парк, увеличили **с двух до шести метров...** Охваченный ужасом, он велел, чтобы стену подняли **до пятидесяти метров**» (1989. Десять историй..., 2009, с. 44).

Стена как форма ограничения окружающего пространства отражает ложное представление о безопасности. Окружив себе стенами с четырех сторон, человек построил для себя комнату, напоминающую могилу. «Спустя еще две ночи случилось землетрясение, и вход в комнату завалил огромный валун» (1989. Десять историй..., 2009, с. 45).

В следующем примере при репрезентации образа стены используется метафора «стена – игрушка», где в качестве объекта референции используется конструктор из кубиков LEGO.

Необходимость в возведении стены была продиктована реальной угрозой границам, которая могла пошатнуть власть Президента: «Никто не возражал против его замысла – воздвигнуть на рубежах страны непреодолимую преграду, дабы умерить аппетиты могучих соседей. На бумаге новый рубеж мог противостоять всему: волнам, вибрациям, землетрясению, бомбежке, подрывным работам...» (Дененкс Д. Рождественская стена) (1989. Десять историй..., 2009, с. 6). Прочность и масштабность сооружения передается посредством эпитетов (подлинно нерушимый и неприступный рубеж) и гиперболы (тысячи острых кольев наверху пронзали облака). Несостоятельность замысла главы государства и иллюзорность неприкосновенности границ описывается в проекции на детскую забаву: «воздушный шарик (позже стало известно, что какой-то ребенок нечаянно выпустил его, выходя со дня рождения), самый обыкновенный шарик на длинной нитке плыл, покачиваясь, в небе с попутным ветром». Метафорическая проекция на конструктор Lego реализуется за счет упоминания основателя фабрики детских игрушек и сравнения тромба, ставшего причиной смерти Президента, с деталькой Lego: «Его последние слова, прежде чем сознание навсегда покинуло тело Президента, были **Оле Кирк Кристиансен**. Президент замер... вскрытие подтвердило первоначальный диагноз: сердечный приступ. Судмедэксперт, однако, с удивлением констатировал, что тромб, ставший для президента роковым, принял необычную **форму крошечного параллелепипеда**. **Словно кирпичик** из свернувшейся крови...» (1989. Десять историй..., 2009, с. 12). Суть реализованной метафоры заключается в сатирическом изображении искусственного конструкта, вершины игрушечного мира, разрушенном в одночасье случайным ребенком.

Другой пример отражает метафорическую модель «стена – регресс», что проявляется в противопоставлении произошедших исторических событий: возведение Берлинской стены и первая высадка человека на Луну. Временные рамки повествования в рассказе отличаются от фактических, что, однако, служит авторскому замыслу демонстрации косности мышления идеологов разделительной линии, поделившей Берлин на Западную и Восточную части, их отсталости от идей прогресса человечества. Обратная градация, использованная в названии рассказа «1969-1989-2009» усиливает описываемый эффект.

Противопоставление строится на сравнении строителей стены, которая возводилась внутри жилого многоквартирного дома, расположенного на границе территориального раздела, с инопланетянами, которых, по мнению героя рассказа, мальчика 8 лет, мог встретить Нил Армстронг. Сравнение реализуется за счет гиперболы, алогизма и эпитетов: «Одна рука у него была **похожа на тарелку**, а из другой **торчал длинный ровный ряд маленьких острых зубов**; из головы **росла ручка, грубая и неровная**. У другого **был десяток ног**; **восемь из них, короткие и толстые, росли из бедра**. Третий, стоявший ближе всех к сетке, представлял собой **яйцо с плавниками вместо рук**, а две **клюки, возможно, служили вместо ног...** Но когда он приблизился к двери и его глаза привыкли к свету у них за спиной, он увидел – черт, они совсем не были монстрами!» (Рейнолдс М. 1969-1989-2009) (1989. Десять историй..., 2009, с. 83). Центральный диалог между ребенком и одним из строителей вербализован параллельными синтаксическими конструкциями:

«– Что ты смотришь? – спросил высокий.

– А знаете, – сказал мальчик, – что сегодня происходит?»

– Что?

– Они собираются высадиться на Луну и показать это по телевизору.

– На Луну? – повторил мужчина, пораженный» (1989. Десять историй..., 2009, с. 84). Закостенелость сознания строителей, выполняющих приказ, противопоставляется легкости «человека в скафандре, прыгающего по поверхности луны, как мячик».

Представленная в художественном ракурсе метафорическая модель «граница – стена» актуализируется в русском и немецком языках с помощью таких семантических репрезентантов, как театр, тайна, иллюзия безопасности, служба, маршрут следования, регресс, игрушка, противоестественное образование (Схема 1).

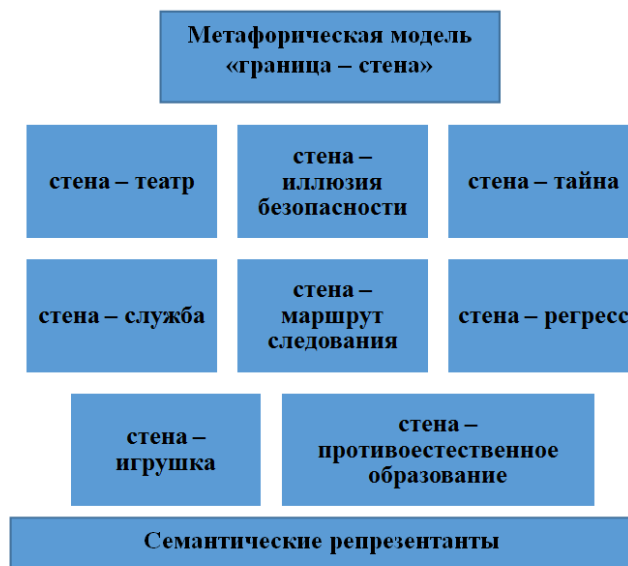

Схема 1. Семантические репрезентанты метафоры «граница – стена»

Примечательно, что данное ментальное представление не соотносится с базовыми функциями границы: разделительной, фильтрующей, регулирующей. Метафорические проекции строятся на восприятии стены как искусственного конструкта, трагедийного спектакля, проявления деградации общества. В немецкой лингвокультуре более выражено осмысление стены как временной повинности, нести которую тяжело и безрадостно, в то время как для представителей русской лингвокультуры стена означает ошибку, ложный шаг.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует сходство взглядов представителей русской и немецкой лингвокультур на исторический феномен Берлинской стены как чудовищной ошибки, поломавшей судьбы десятков тысяч человек. Возводимый «железный занавес» являлся свидетельством политической воли, не имевшей под собой надлежащих оснований и не нашедшей поддержки ни среди современников, ни у последующего поколения.

Заключение

Сравнительный анализ языковых средств в художественном дискурсе русского и немецкого языков, актуализирующих рефлексию исторического прошлого, связанного с разделением Германии на ГДР и ФРГ, позволил нам прийти к следующим выводам.

Берлинская стена представляется ключевым эпонимом, репрезентирующим социально значимое коммеморативное событие для жителей России и Германии, о чем свидетельствует обращение писателей к данному мотиву на протяжении уже 35 лет с момента ее разрушения. В художественном дискурсе события, имевшие место в момент возведения, существования и после падения Берлинской стены, маркируют две стороны одной медали: негативное отношение к физическому барьеру и ограничению свободы, и в то же время страх перед новыми жизненными обстоятельствами после разрушения стены.

Граница остается политически острым и общественно дискутируемым феноменом, формирующим чувство принадлежности, идентичности наравне с демаркацией «чужого». Отмечается амбивалентный характер границы: границы соединяют и разделяют, могут быть видимыми и невидимыми, позволяют человеку чувствовать себя безопасно и в то же время порождают сомнения в правильности их закрепления. Особое значение придается акту пересечения границы или пребывания на границе, так называемому опыту границы. Именно литература предлагает точку опоры для эстетического формирования опыта пересечения границ и осмысления пространства «своего» и «чужого».

Результаты проведенного исследования подтвердили сходство в социальной перцепции Берлинской стены как материальной и нематериальной границы, выступающей элементом коллективной памяти для русских и немцев. В литературных произведениях метафорическая модель «граница – стена» актуализируется

с помощью таких семантических репрезентантов, как театр, тайна, иллюзия безопасности, служба, маршрут следования, регресс, игрушка, противоестественное образование. Метафорическая модель «граница – стена» включает в себя понятия с семантикой ирреальности, фальши и утопичности, что говорит об отрицательном восприятии данного исторического события у немецко- и русскоязычной аудитории.

Перспективы работы видятся в расширении эмпирической базы исследования с привлечением к рассмотрению медиадискурса в диахроническом аспекте, а также нарративного дискурса в мемуарах свидетелей описываемых событий в целях выявления других метафорических моделей.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Из записей 1970-71 гг. // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: сборник избранных трудов. М.: Искусство, 1979.
2. Бондарева Л. М. Когнитивный потенциал метафор памяти в текстах немецкоязычных воспоминаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 4.
3. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007.
4. Буллер А., Линченко А. А. Медиа и история: дискурс исторической ответственности в меняющемся мире // Диалог со временем. 2021. № 77. <https://doi.org/10.21267/AQUIL0.2021.77.77.004>
5. Вороненкова Г. Ф., Гапонова Е. М. 30-летие падения Берлинской стены и российско-германские отношения в зеркале СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. № 2.
6. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности: монография / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2020.
7. Домбровский Б. Т. Философия стены // Вестник славянских культур. 2011. № 2.
8. Маслова В. А. Функционирование метафоры и пословицы в современном языке // Риторика в свете современной лингвистики: тезисы докладов Пятой межвузовской конференции (4-5 июня 2007 г.). Смоленск, 2007.
9. Милованова М. С. Коммуникативная граница как маркер русской идентичности (материалы для лексико-семантической типологии) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей конференции (г. Москва, 30-31 октября 2020 г.). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020.
10. Сакирко Е. А. Метафора стены: бинарная оппозиция «естественное-искусственное» в немецком языке и австрийской литературе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4.
11. Самоловов К. Г., Стукалина А. К. Мемориал «Берлинская стена». Преодоление прошлого как инструмент дизайна городской среды // Системные технологии. 2022. № 1 (42).
12. Степанов Е. С. Признаки прецедентного имени (на примере имени «Berliner Mauer») // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 2 (24).
13. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988.
14. Трошина Н. Н. Роль концептуальных опор дискурса в формировании социальной перцепции (на примере концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2015. № 1 (26).
15. Туманова Е. О. Языковая репрезентация концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА немецкими эпонимами // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. № 1.
16. Фадеева М. Ю. Лексикографическая интерпретация лингвокультурной категории «чуждость» в русском и немецком языках // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-411-419>
17. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001.
18. Шалютина Н. В., Игаева К. В. Проблемы типологии практик коммеморации в «Новых медиа» // Научный диалог. 2023. № 5.
19. Assmann A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur: Eine Intervention. 3. Auf. München: C. H. Beck, 2013.
20. Felder E. Wahrheit und Wissen zwischen Wirklichkeit und Konstruktion. Freiheiten und Zwänge beim sprachlichen Handeln: Sprachtheoretische und interdisziplinäre Aspekte einer brisanten Alternative // Wirklichkeit oder Konstruktion? / hrsg. von A. Gardt. Berlin – Boston: De Gruyter, 2018.
21. Fischer T., Lorenz M. N. Lexikon der »Vergangenheitsbewältigung« in Deutschland. 3., überarbeitete und erweiterte Auflage. Bielefeld: Transcript Verlag, 2015.
22. From a Metaphorical Point of View. A Multidisciplinary Approach to the Cognitive Content of Metaphor / ed. by Z. Radman. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 2005.
23. Kleinschmidt Ch. Semantik der Grenze // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2014. <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/176297/semantik-der-grenze/>
24. Literatur der Grenze – Theorie der Grenze / hrsg. von R. Faber, B. Naumann. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1995.
25. Metapher, Kognition, Künstliche Intelligenz (Erlanger Beiträge zur Wissenschaftsforschung) / hrsg. von H. J. Schneider. München: Wilhelm Fink, 1996.

26. Reiher R. Zum Umgang der Linguistik mit dem sprachlichen OstWest-Problem seit dem Mauerfall // Diskursmauern. Aktuelle Aspekte der sprachlichen Verhältnisse zwischen Ost und West / hrsg. von K. S. Roth, M. Wiene. Bremen: Hempen, 2008.
27. Schulz-Hageleit P. Aufarbeitung der Vergangenheit // Schulz-Hageleit P. Geschichtsbewusstsein und Zukunftssorge. Herbolzheim: Centaurus Verlag & Media, 2004. https://doi.org/10.1007/978-3-86226-409-4_5
28. Verdiani S. Die Berliner Mauer und ihre Projektionen: Die Inferenzstruktur des politischen Diskurses der Aktionsseite Erster Europäischer Mauerfall des Zentrums für Politische Schönheit // Muro/Muri. 2021. Bd. 25. <https://doi.org/10.13130/2035-7680/15472>

Информация об авторах | Author information

RU

Василевская Анна Александровна¹
Фадеева Марина Юрьевна², к. филол. н.
^{1,2} Волгоградский государственный университет

EN

Anna Aleksandrovna Vasilevskaya¹
Marina Yurevna Fadeeva², PhD
^{1,2} Volgograd State University

¹ vasilevskaya@volsu.ru, ² fadeeva@volsu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.11.2024; опубликовано online (published online): 12.12.2024.

Ключевые слова (keywords): литература границы; дискурс стены; Берлинская стена; метафорическая модель «граница – стена»; мемориальный нарратив; literature of the border; discourse of the wall; Berlin Wall; metaphorical model “border – wall”; memorial narrative.